КУРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дикая кошка

Книга третья

Курск 2023г.

18+

Надежда Ходыкина(Захарова)

Дикая кошка. Том 3

«Автор»
2026

Ходыкина(Захарова) Н. И.

Дикая кошка. Том 3 / Н. И. Ходыкина(Захарова) — «Автор», 2026

В центре повествования романа – саги «Дикая кошка» семья Семеровых, жители российской глубинки, чья жизнь из поколения в поколение сохраняет самобытность, духовные и нравственные ценности. Через их судьбу автор прослеживает историю России с 1945 года по наши дни. Мы узнаем о жизни народа, который в периоды невзгод сплотился вокруг президента России Владимира Владимировича Путина и поддержал специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины. Центральная художественная тема романа любовь к Богу, к Родине, к маме, к детям, к людям. Борьба добра со злом во имя жизни, мира и любви на земле, осмысление жизни во вселенной, раскрытии тайн человеческой психики и бытия. Жить в России, служить отечеству, выполнять обязательства перед Родиной. Автор

© Ходыкина(Захарова) Н. И., 2026
© Автор, 2026

Дикая кошка. Том 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

В дверь позвонили. Татьяна пошла открывать.

- Здравствуйте, проходите, пожалуйста, - произнесла Татьяна пришедшему врачу.

- Где больной?

- В спальне.

- Что болит? - обратилась врач к Марии Петровне.

- Да вот дети куда-то ушли. Ты не видела их во дворе?

Врач померила давление, послушала сердцебиение, дыхание, выписала лекарства Марии Петровне и сообщила Татьяне Дмитриевне:

- Дело времени. Ко всему будьте готовы. Терпения вам.

После проливных дождей на улице стояли сырость и слякоть. Татьяна укладывала проверенные тетради в свою большую сумку, из спальни вышла мать.

- Мама, доброе утро.

Мать, молча, как бы крадучись, шла по коридору. Левая рука и нога были непослушны, лицо перекошено. Татьяна поняла, что маму снова парализовало. Она уложила ее в постель. Через каждые три часа делала уколы, но с каждым днем тело матери становилось все непослушнее. Татьяна, ночи напролет, сидела у изголовья матери, вспоминала её, идущую с покоса впереди всех женщин, в руке букетик ягод для нее, Тани. Юбка и кофта плотно облегали ее статное тело, на голове белый платок чуть сдвинут на ухо. Тане всегда казалось, что мать специально носила так платок, чтобы лучше слышать.

Мария Петровна была в сознании, жалела Веру и Таню, которые плача, уговаривали ее выпить глоточек воды, но она не могла глотать, горло было парализовано.

Однажды Вера упала на колени и, рыдая, прошептала:

- Господи! Помоги, Господи, облегчи состояние маме!

Теряя самообладание, и, принося матери еще большую боль, она уже кричала:

- Танечка, молись, милая, она умрет сейчас!

Татьяна обняла сестру и громко произнесла, чтобы услышала мать:

- Иди, Верочка, на работу, сейчас маме станет легче. Она будет жить!

Верочка ушла, Татьяна мысленно погрузилась снова в свое детство. Когда она закончила восемь классов и поехала учиться в город Железногорск, мать, которой было в ту пору уже за шестьдесят лет, не перенеся разлуки, пошла пешком за сорок пять километров. А через месяц деревенский дом родителями был продан и построен в пригороде города Железногорска новый, и опять все дети вместе, а с ними мама. И вот сейчас дочь бессильна чем-либо помочь. Она понимала: смерть на этот раз не отступит.

Мария Петровна надрывно дышала. Слезинки, как градинки, стекали по ее щекам: трудная, но счастливая жизнь, как родничок в жаркую погоду, иссякала на глазах у Татьяны.

- Мама, мамочка, любимая, потерпи, сейчас станет легче, - шептала дочь.

Но мать уже ничего не слышала. Татьяна, как в бреду, закрыла умершей маме глаза, прикрыла рот, связала платочком руки на груди. Раздался звонок. Пошатываясь, она пошла, открывать дверь. Это пришел лечащий врач Марии Петровны. Осмотрев Марию, он дал заключение:

- Мертва!

Татьяна начала верить в судьбу. Родители, любившие друг друга, умерли с одним и тем же диагнозом, разницей в десять лет.

Татьяна медленно подошла к телефону и начала звонить братьям и сестрам. Разные пришлось услышать ответы:

- Едем!

- Бегу!

- Лечу!

И только один Сергей сдержанно выдавил:

- Мне в ночь на работу. Отосплюсь. Завтра в двенадцать буду.

Это ее первенец, которого носила под сердцем, кормила грудью. Он так и не смирился с добротой матери, которая свою любовь, силы и средства делила поровну между ними, родными и не родными детьми.

Похороны задерживались. Ждали родственников. Дети ни на минутку не покидали умершую мать. В очередной раз запричитала, гладя руки мамы, Анна, средняя дочь мужа:

- Мамочка, мне не согреть твои рученьки. Мамочка! Останься, как в детстве, с нами. Прости, если что было не так.

Виктор, старший сын мужа, бережно отстранил сестру от матери. Марию Петровну подняли и понесли из квартиры. За гробом шел плачущий Сергей. Пересохшими губами он шептал:

- Прости, мама, прости. Моим детям нужны, как и мне, деньги, но не я. Мне даже голову преклонить не к кому. Только сейчас я понял, как ты была во всем права, как ты всем нам нужна. Прости, любимая!

И он был уверен, что мама простила его. Ведь для нее было важно одно: чтобы ребенок понял, зачем живет человек на земле.

В марте тысяча девятьсот восемьдесят девятого года двадцатого века дети и родственники попрощались с Марией Петровной, забили и опустили гроб. Бросили монеты, по горсточке земли. Услышав падающий грохот, сердце Татьяны сжалось от безысходности, она почувствовала себя маленькой и беззащитной.

- Вот и всё, всё. Ушел из жизни еще один дорогой мне человек. Господи, как бы мне хотелось вернуться в мои детские годы, где было всё ясно и понятно. Как тогда в свои пять лет я открыла глаза и увидела маму, склонившуюся надо мной:

- Доченька, вставай, - услышала я взволнованный голос мамы, - мне пора уходить в город.

В доме еще царил полумрак. Из окон виднелось серое небо. Я увидела луну, похожую на откусанное кем-то в ночи круглое печенье. Окончательно проснувшись, вспомнила вчерашний разговор с мамой о том, что она оставляет меня главной не только в доме, но и по хозяйству. Такое доверие подхлестнуло меня, я оделась и пошла, проводить маму.

- Доченька, ты помнишь, о чем я тебя просила вчера?

- Помню.

- Танечка, самое главное – это наша корова. Она должна сегодня отелить теленочка.

- Помню, помню, мама, ты же объясняла, что и как делать. Всё сделаю.

- Тогда я спокойна за тебя и за наше хозяйство.

Она поцеловала меня и пошла по улице к дороге, ведущей в город.

Как сейчас помню, когда открыла дверь сарая, там меня встретил своей утренней побудкой петух. Куры сидели на насестах и дремали. Посмотрев на них, оставила дверь сарая открытой, насыпала в корытце зерно, налила воды. В утренней тишине все еще дремало и спало. Я зашла в закутку, где лениво пережевывала пищу корова. Она, не поднимаясь, посмотрела на меня и отвернулась, продолжая заниматься своим делом. Подошла к поросятам, которые ели месиво и от удовольствия похрюкивали. Потом вышла и села на скамейку во дворе, не зная чем заняться, но, увидев метлу, взяла ее и начала подметать двор. Метла не слушалась, но старание

и мое желание заставили ее подчиняться воле юной хозяюшки. За работой не заметила, как взошло солнце. И все ожило, засуетилось, и преобразилось.

Закончив подметать, не забыла посмотреть корову, которая оставалась в покое и продолжала пережевывать пищу. Я ее погладила и нежно попросила:

- Смотри, будь умницей, не подведи меня.

Осмотрела то место, откуда, по рассказам мамы, должен появиться теленок, но, ничего не увидев, вышла во двор. Куры под возгласы петуха активно клевали зерно. Прошла мимо них и вошла в дом. На газовой плите поджарила себе на завтрак яичницу и принялась, есть, поглядывая в окно из которого был виден двор.

Солнечный свет разливался повсюду, это радовало меня, закончив завтракать, побежала к корове. Та уже стояла у яслей, изредка помахивая хвостом, глаза слезились, словно хотела что-то сказать, но не могла, и только смотрела на меня, а я разглядывала место, откуда должен появиться теленок, но теленка не было видно. Я не знала и не видела, как рождаются телята, как это происходит, и мне оставалось только ждать, чтобы увидеть это своими глазами.

Открылась калитка и во двор вошла соседка баба Дуся.

- А мама где? - спросила она.

- В город уехала.

- А ты, значит, за хозяюшку?

- Да. Все на мне, - гордо сказала я.

- Молодец, растешь помощницей.

- Все ничего, да вот мамка приказала смотреть за коровой, она должна родить теленочка, смотрю, смотрю, а его все нет и нет.

- И даже такое дело тебе доверила? Давай вместе посмотрим.

Мы зашли в сарай. Баба Дуся посмотрела на корову и спросила:

- А мама скоро вернется?

- Не знаю.

- Тогда если что позовешь меня. Корова вот-вот должна отелиться.

- Хорошо, баба Дуся, если что, я тебя позову.

Старуха ушла со словами:

- Бог в помощь.

Проводив ее, я долго стояла у калитки и смотрела на улицу, на дорогу, идущую в город. Она была безлюдна, по ней вольготно гуляла около своих дворов домашняя птица. У меня промелькнула мысль: «Надо сбегать в сарай, отвязать корову, пусть она будет во дворе на виду». Мне понравилась эта идея, и теперь она стояла посреди двора и наслаждалась солнечными лучами, которые, казалось, не грели, а ласкали ее. Я села на скамейку и глаз не сводила с коровы. Ведь мама только мне доверила такое дело: быть самостоятельной целый день.

Корова, потоптавшись на месте, поставила ноги шире, и, оглядываясь назад, стала мычать и надуваться. Неожиданно для себя увидела копытца, а затем мордочку теленка как раз в том месте, откуда он должен был появиться, по словам мамы. Обрадовавшись, я подбежала к корове, начала гладить ее, приговаривая:

- Вот молодец, - так обычно говорила всегда мама корове слова благодарности, - молодец. Вот умница.

Теленок шлепнулся на землю, я, как учила меня мама, решила оттянуть его немного от коровы. Но он был скользкий, слабенький и беспомощный, но тяжелый. Вспомнила, что мама говорила про какое-то место, которое должно выйти следом за теленком, и, что его нужно убрать, потому, что корова может съесть его, и тогда у нее выпадет зуб. Я внимательно стала смотреть и увидела что-то похожее на конец веревки, ухватившись за нее обеими руками, стала, тянуть на себя, тем самым помогла кормилице избавиться от него. На землю шлепнулось что-то большое, похожее на огромный пузырь с жидкостью. Я попыталась убрать его. Но он

был намного тяжелее теленка, обессилев, решила накрыть его лоханью. Справившись с местом, стала проявлять заботу о теленке. Он попытался подняться, но ноги не держали, он падал, отдыхал и вновь старался подняться. Увидев все это, я заплакала, приговаривая:

- Наверное, я что-то не так сделала, и ты родился больным, раз не можешь ни стоять, ни ходить.

И он, как бы понимая мои слова, отзывался тихим мычанием и вновь пытался встать на ноги, доказывая, что он жив и здоров, но пока слаб.

В это время во двор зашла мама, увидела происходящее и обрадовалась, поняв, что ее девочка справилась с делами. Я заплакала, мама вытерла мне слезы, обняла.

- Ну что ты, что плачешь, доченька?

- Мама, я что-то, наверное, не так сделала… Он больной, он не стоит на ножках, как все телята…

- Доченька, посмотри какой он статный, умненький, но еще совсем маленький.

Теленок словно понял эти слова, встал на ноги, с трудом переставляя ими, приблизился к корове, сделал несколько шагов и упал.

- Вот, мама, я же говорю. Он болен.

- Танечка, он только что родился. Успокойся. Спасибо тебе, доченька, за помощь.

- Пойдем в дом.

И мы ушли. Мама привезла конфеты, лимонад, батоны и отдала мне. Я все приняла с благодарностью. Мы поужинали. Не нарушая царства ночи, лишь только, усиливая его, упали легкие тени от шедших на месяц тучек, и месяц, сиял, катился на них в глубине чистого неба, над блестевшей крышей дома. Мама положила меня спать, а сама пошла во двор. Обласканная материнскими словами и руками, быстро заснула и не заметила, как пролетела теплая, звездная ночь.

Утренние лучи солнца зазолотились перед восходом, степенно выходили из мягких тучек, которые раскинулись островками на небе, и сквозь ветви садовых деревьев забрезжил оранжевый рассвет, который разбудил маму, она вышла на улицу. Выпустила корову во двор, а за ней вышел теленок. Он радовался теплым лучам солнца, свежему воздуху. Вдохнув воздух полной грудью, он озорно промычал. Я лежала в дремотном состоянии, но, услышав его голос, тут, же подскочила с постели и выбежала во двор.

- О, ты такой хорошенький, - обнимала его за мордочку и целовала, - ты меня звал? Прости меня за вчерашние слова,- мама стояла рядом и улыбалась,- ты у нас красавец.

Петух прокукарекал, словно извещал всю округу о новом дне и его заботах.

2.

Лучи солнца пронизывали синь небес. Клейкие листочки деревьев тянулись к свету. Бархатная трава зеленела, наполняясь соком. Казалось, все живое, вся округа стремится к жизни каждой своей клеточкой, даря друг другу радость и счастье.

- Родная моя, мамочка, прости меня за все.

К Татьяне подошел сын Гриша:

- Мама.

- Что? любимый мой.

- Пойдем, помянем бабушку.

- Пойдем.

Гриша взял маму под руку, и они направились к людям, которые поминали усопшую. Сын взял печенье и подал маме:

- Побереги себя для меня.

Татьяну как будто обухом по голове стукнули:

- Прости, мамочка, но мне нужно сейчас быть очень сильной, чтобы дать образование и путевку в жизнь твоему любимому внуку Грише.

В сторонке стояли сестры Татьяны - Анна, Рита и Верочка.

- Мы скоро разъедемся, Татьяне тяжелее всех, мама с нею жила, они привычны друг к другу. Гриша уедет учиться. Верочка, не бросай маленькую сестренку. Ведь она всегда с тобой рядом: и в радости, и в горе, - произнесла Рита.

- Я не Татьяна, - ответила Верочка, - не умею переносить беды, у меня сразу нервный срыв и сами знаете, что дальше…. А дальше не я помощница, Татьяна борется за меня, чтобы не умерла. У меня после смерти сына какие-то циклы, пять лет и срыв. Девчонки, я не обещаю, но постараюсь и себя блюсти, и ей помогать. А вообще-то нет, был у меня случай в жизни, когда я боролась за свое счастье и победила. Родители были против того, чтобы я разыскивала Сашу. Я обиделась на них, взяла маленького Володю, приготовленную ими мне сумку с едой и пошла…

Вначале было легко, но дорога не близкая и ребенок становился все тяжелее и тяжелее. Я поставила сумку с провизией, которую несла от родителей. И опустив двухгодовалого сынишку на тропинку, с облегчением выдохнула и развела несколько раз руками, избавляясь от усталости.

В вечерних сумерках чернели здания, деревья и кустарники. Я держала малыша за руку, невольно взглянула на небо. Луна, словно сердцевина грецкого ореха, желтела над пригорком. Звезды, как скорлупа, были кем-то разбросаны по темнеющему куполу небосвода, и наполнены жизнеутверждающим светом.

- Сыночек, посмотри на небо, - сказала я, - видишь, какие звезды лупатые, а луна так насторожилась, как будто бы ни сегодня, так завтра начнет уменьшаться в размерах.

Я смотрела на луну, и у меня не было слов передать увиденную мною красоту. Смотри, сыночек… и запоминай. В моем - то положении, так радоваться и восхищаться звездами, и луной было, по крайней мере, глупо. На моем месте другая бы лила горькие слезы от бессилия, а я, наоборот, стала очень сильной. Я решила, во что бы то ни стало найти и вернуть мужа.

- Сашу? - спросила Рита.

- А кого ж еще.

- А где он был?

-Не торопи, Рита, все по порядку расскажу, - произнесла Верочка.

Познакомилась я с ним на свадьбе нашего Сережи. Поженились, жили, душа в душу. Я родила Володю, была в декретном отпуске. И однажды Саша ушел из дома, не оставив даже записки. Два года я не находила себе места, все искала его.

- А почему в милицию не обратилась?- уточнила Рита.

- А в милиции только разводили руками. Исчез, да и только. Спасибо родители помогали деньгами, но в основном продуктами.

- Да, таких женщин редко встретишь, - молвила Рита, - а мы все слабая наша Верочка. А ты вон как свою любовь несла и охраняла. С ребенком на руках искала мужа.

Верочка горько улыбнулась и продолжила:

- Отдохнув, взяла я на правую руку Володю, а в левую сумку и пошла дальше по тропе. Иду, сама плачу и причитаю:

- Где же ты, Саша?

- А куда ты шла? Ты что была уверена, что он жив? - спрашивала сестру Рита.

- Я каждый день куда-то шла с ребенком и везде искала, и спрашивала за мужа. Показывала фотографию Саши, может кто-то видел этого человека.

- И что никто не видел? - не унималась Рита.

- Как в воду канул, - произнесла Верочка. Однажды встретилась с одноклассником. Он рассказал, что у него умерла жена и теперь он растит дочку. Меня тогда очень удивило, что он

офицер, на погонах красовались три звезды, расположенные треугольником, а вел он себя как слабовольный человек. В его словах чувствовались усталость и неумение ладить с ребенком, ему нужна была жена. Тогда во время беседы про него подумала: «нытик». Но он мне намекнул, что встречал Сашу.

- Говори про Сашу, - не унималась Рита.

- Да я и говорю только про Сашу. В конце разговора одноклассник напросился ко мне в гости, намекнув, что и я на сегодняшний день одна с сыном и он с дочкой, хорошо было бы жить вместе. Если только, - ответила я, - в гости, приходи.

- Я постараюсь зайти в ближайшее время, только скажи свой адрес.

Я пояснила, как найти, и пошла домой. Тротуары, поверженные гололедом, были скользкими, и я медленно приближалась к дому. Мужчина, проходивший мимо, поскользнувшись, упал, выругался. Я хотела ему помочь, подняться, на что услышала в ответ:

-Еще чего, чтобы мне, мужику, баба руку подавала…

И он, продолжая ругаться, поднялся, пошел, пошатываясь.

- Ну, и черт с тобой, как хочешь, - бросила я ему вслед.

Идти оставалось немного, и я медленно и незаметно для себя подошла ко двору. С калитки сняла крючок и прошла к двери дома. Открыла ключом дверь, вошла. Включила электрический свет, и он заполнил помещение, врезался яркими лучами во тьму, положила в холодильник продукты, что дали мне родители для пропитания.

- Ничего, сынок, теперь у нас есть еда, - приговаривала я, - значит, будем живы. Тем временем подогрелась вода, я искупала Володю, покормила и уложила спать. После того как сама искупалась и привела себя в порядок, кто- то позвонил. В такое позднее время меня даже соседи не тревожили. Я вышла на веранду и спросила:

- Кто?

- Андрей, - пробасил мужчина, - твой бывший одноклассник… Вера, ты, что не узнаешь меня?

- Узнала, - ответила я, - такого мужчину разве не узнаешь, - я играла словами и с любопытством рассматривала его.

- Недолго ты себя заставил, ждать, промелькнула мысль.

Он стоял с букетом красных гвоздик и со свертком в руке.

- Чего так поздно притащился? Люди спать ложатся, а ты в гости.

- Да не шуми ты, прошу тебя, - оправдывался Андрей, - раньше не смог. Ты уж извини, но нам нужно поговорить.

- Если нужно, проходи.

Он подал мне цветы, которые я поставила в литровую банку с водой на стол. Развернул сверток и положил рядом с цветами кулек конфет. Из бокового кармана пальто достал бутылку водки и поставил в центр стола.

- Вера, давай стаканы.

- О, да ты еще и с выпивкой? Я думала, что цветы для меня, а конфеты сыну.

- Хватит и сыну. А, кстати, где он?

- Спит. Так что баси тише.

- Понял.

- А разве водку закусывают конфетами? - спросила я.

- Когда нечем, закусывают.

Я тогда осуждающе посмотрела на Андрея:

- Могу понять, гражданских мужиков, но военных?

- А что военные из другого теста что ли? Они такие же мужики, как и все, - сказал Андрей.

- Нет. Придется чем-нибудь другим закусывать. Ты гость, - сказала я.

Пожарила на сале яичницу, положила кусочек мяса, приготовленного родителями, порезала соленых огурцов, подогрела картошку, и то, что принесла от родителей, почти все подала на стол. Андрей, довольный приемом и обильной закуской, начал разливать водку в стаканы, предлагая выпить мне.

- Нет, нет, - отказалась я, - у меня маленький сын. За ним нужен уход, а какой же уход может быть от пьяной мамы. Так что не обижайся, пей один.

Андрей опорожнил стакан и начал закусывать, расхваливая закуску. После второго стакана он осмелел и стал убедительно говорить:

- Я один и ты одна… - Твой алкаш в Орле, не нужна ты ему.

Два года я ни от кого не слышала, что мой муж жив и где. А тут такая весть сама пришла в дом. От услышанной новости мне стало не по себе, я стала сама не своя, но, совладав с собой, выпытывающее переспросила:

- Говоришь, в Орле? Не может быть? Ерунду городишь.

- Вера, ты же знаешь, я полковник и врать мне непристойно.

-Все вы, мужики, одинаковые, лишь бы бабой завладеть.

- Значит, я вру, - он налил себе в стакан водки и одним глотком выпил. Он на железнодорожном вокзале подходил ко мне. Я поначалу его и не узнал, а когда разговорились, он, оказывается, меня знает, а потом и я его узнал. Да я ему десятку даже дал на водку и на сигареты. Зачем тебе нужен такой алкаш?

В это время проснулся Володя и заплакал.

- Замолчи, тебе говорю, - потребовала я, - ребенка разбудил.

Андрей умолк и начал закусывать, я взяла сына на руки и стала укачивать, но он вредничал и не засыпал. Андрей опорожнил бутылку, сытно закусив, не знал чем заняться и поэтому после моих слов:

- Ложись на диван и отдохни.

Охотно согласился и крепко заснул. Я убаюкала сына, присела у окна. Меня осенила мысль:

- Хоть и все пожрал полковник, что я принесла от родителей, но весточка о муже стоит этого.

До самого рассвета я не сомкнула глаз, представляла встречу с мужем. Как он меня и Володю обнимет и поцелует. Андрей начал издавать храп. Я не выдержала этих звуков и подошла к нему:

- Эй, жених, - вставай и топай домой, пока еще люди спят, и тебя никто не увидит. Последние петухи прокричали. Слышишь. Вставай.

Андрей вскочил с дивана, быстро оделся, даже не попрощавшись со мной, воровски выскользнул из дома. Проскрипела калитка, и наступила тишина. Я подошла к кроватке сына, склонилась и прошептала:

- Дождались мы весточки о папе. Теперь я его отыщу. Он же не блудный кот, твой папа. Я поцеловала сына и начала собираться на поиски Саши.

Володя проснулся от первых лучей солнца, которые коснулись его лица, и он, улыбаясь, встал и сказал:

- Мама, солнышко прямо в глазики мне светит. Оно разбудило меня.

- В это время я была сильная, - произнесла Верочка.

Не теряя времени, я одела сына и быстро пошла на остановку. Автобус ждать долго не пришлось, с радостной весточкой перешагнула порог отцовского дома.

- Папа, мама, - Саша жив и здоров, он в Орле, - счастливым голосом открыла перед родными пелену неизвестности.

- Откуда такая новость? - спросил отец.

- Андрей, мой одноклассник, ну этот полковник, вчера вечером сказал, - торопливо говорила я.

- А он не врет? - выспрашивал отец.

- Говорит, что даже давал ему десятку.

- Что, доченька, думаешь делать? - спросил отец.

- Оставлю у вас сына, а сама поеду в Орел на железнодорожный вокзал, он там его видел, - убедительно сказала я.

- Будь осторожней, это город,- просила меня мама,- а не наш поселок, где все друг друга знают. А там тьма народу и все чужие.

Мамочка, царствие ей небесное, достала последнюю четвертную, подержала в руке и подала мне:

- Держи, надеюсь, этого хватит на дорогу?

- Я с благодарностью приняла от родителей деньги и поспешила на автовокзал. Меня не утомила дорога, а придала уверенность в то, что я встречусь с мужем. Смогу узнать причину ухода его из семьи. Ох, сестрички, мысли меня тогда гнали на железнодорожный вокзал. Вокруг люди: кто ждал своего поезда, кто спешил на перрон, кто-то уже приехал. Непривычная картина не смутила меня, я внимательно всматривалась в лица, искала своего Сашу, но нигде не видела. Вышла на перрон, слезы наполняли глаза. Ко мне подошла женщина в рабочей куртке железнодорожника и спросила:

- Девушка, что случилось? Может, помощь нужна?

- А ты что? - почти прокричала Рита.

- Что? Что? Я ей все рассказала, показала фотографию.

- А она?

- Она мне сказала, что, кажется, я видела твоего мужа. Он живет вон там, в трубе,- и показала на пригорок, где виднелись трубы и производственные здания. Мужик, как мужик. Приходит на вокзал, подрабатывает, то грузчиком, а иногда подметает перрон.

Я поблагодарила ее.

- Наверное, я найду своего мужика, - сказала. И не шла, казалось, летела.

Тропа, лежавшая средь снежного наста, привела к трубам. Я внимательно осмотрела их и заметила, что к одной из них тропа была натоптана лучше всех. У начала трубы на снегу валялись окурки, клочья бумаг. Я подумала, что может в этой трубе и живет мой Саша, присела на деревянный ящик из-под бутылок.

- Милый, что ж тебя привело в эту трубу. Хотя бы словечко замолвил,- думала я. Посидев около трубы, озябла от порывов ветра и наступающего вечера, который дохнул заморозком на вечерней заре. Из трубы вылез небритый мужчина в замасленной одежде.

- Тебе чего тут надо? - обратился ко мне, и, не дождавшись ответа, добавил:

- Давай проваливай отсель.

- Я..., - растерянно залепетала я.

- Что я… Нам бабы не нужны. Самим места мало.

Я вскочила с ящика и, готовая к любым нападкам, уверенно проговорила:

- К мужу я приехала. А ты кто такой? Командир? Прыщик на ровном месте. Говори, где он?

Мужик такого поворота событий не ожидал и даже на какое-то время замолчал от моего словесного напора. Потом пришел в себя и заговорил:

- Постой, какой муж? Кто он такой?

- Его зовут Саша. Такой невысокий, худенький, но жилистый,- я перечисляла все приметы мужа, потом показала фотографию. Кричала не знакомому человеку, что Саша для меня близкий человек, что я им дорожу, люблю. Волосы у него черные, глаза карие, лицо доброе,- кричала я, - не то, что у тебя…

- Ты, баба, говори да не заговаривайся. Какое тебе дело до меня? Ты трави по существу. Поняла?

- Поняла. А ты если знаешь, то говори, а если нет, то нечего кривляться?

Мужчина потоптался на месте, сплюнул и, бросив окурок, изрек:

- Приходи завтра часам к девяти, денег заработать ушел.

- А как его найти?

- Ты его не найдешь. Он завтра вернется. А ты иди на вокзал, там переночуешь. В конце концов, - он с сожалением посмотрел на меня, - не брать же тебя с собой в трубу.

Я достала пачку сигарет, купленную для мужа, чтобы угостить его при встрече, и отдала небритому мужчине, а сама ушла на вокзал.

- Ну, ты даешь, сестренка, - произнесла Рита.

Несмотря на то, что ночи становились по времени короче, все равно эта ночь для меня стала настоящим испытанием. Я не спала вторые сутки, но на диване в вокзале даже задремать не могла. Я представляла встречу с мужем, мне виделось, как он обнимает меня и сына, как солнце играет лучами в нашем доме. В такие минуты для меня не существовали ни вокзальный шум, ни люди, снующие туда, сюда, ни голос динамиков, сообщающий о прибытии и отправке поездов. Моя душа радовалась приближающейся встрече. Рассвет, всплывающий вдали, казался грандиозным и торжественным. Птички, летавшие у вокзала, подавали позывные весны. Все утопало в лучах света. Я не могла дождаться девяти часов, и пошла к трубе, которая стала для моего Саши местом пребывания и уюта. Боль заполонила мое сердце. У трубы я встретила вчерашнего мужчину.

- Я же сказал, он будет в девять.

Я молчала и улыбалась, мне было безразлично, что будет говорить этот человек. Я жила встречей с мужем.

- Какой я глупый, - спохватился мужчина, - понимаю, ты ждешь мужа. Хороший он мужик. Не место ему здесь. Забирай его домой, пусть растит сына и любит тебя. Таких, как ты, жен очень мало на земле. Если столько времени искала его и нашла. Да тебе цены нет. Я бы такой жене ноги мыл всю оставшуюся жизнь за такой женский подвиг, за такую веру, которую ты несешь в себе.

У меня от таких слов заблестели глаза от слез, и я присела на деревянный ящик у трубы.

- Поплачь, станет легче на душе. Ладно, пошел я путь чистить от гололеда. Нужно зарабатывать на жизнь. Прощай, не поминай лихом.

Лучи солнца разнежили утомленную меня, и я задремала. Саша, шедший с работы, увидел женщину, сидящую на его любимом месте, которая склонила голову на колени, тихо посапывала.

- Эй, женщина, ты, что тут делаешь? - строго спросил он.

Я услышала до боли знакомый голос и вскочила с возгласом:

- Саша …

Он оторопел, от неожиданности даже попятился назад.

- Куда же ты, милый? Я встала и обняла его. Два года искала тебя, а ты опять уходишь, - заплакала я.

Но он не уходил, он не осознавал, что происходит. Он ко всему в этой жизни был готов, но не к тому, что его найдет его Верочка, об этом он не мог мечтать. Мои поцелуи растопили его огрубевшую за время скитания душу, и он ответил на объятия осторожным поцелуем, а затем еще и еще.

Я задала ему вопрос:

- Саша, почему ты ушел из дома?

- Прости, но я у тебя и сына украл три рубля. Эти деньги были последними в доме, которые ты спрятала от меня под матрас для ребенка, а я украл на водку. Думал, заработаю и верну, но жизнь закрутила, сама видишь...

- Глупый, ты Саша, глупый. Пошли домой. Я взяла его за руку и повела по тропинке к вокзалу.

- Верочка, как Володя? - поинтересовался он.

- Растет. Ты ему нужен, - убедительно говорила я, боясь, что Саша не пойдет домой.

Город, разбуженный лучами солнца, жил полной повседневной жизнью. Мы стояли на площади у вокзала. С крыши начала срываться капель.

- Слышишь, Вера, - обратился ко мне муж, - первая капель запела и именно сегодня, когда ты меня нашла, и мы возвращаемся домой.

- А о чем она поет? - спросила я.

- О нас, о нашей любви, о жизни…

- Теперь мы спокойны за тебя и Танечку. Мы верим, что ты не дашь ей впасть в депрессию, - сказала Рита.

- А мы будем звонить и, по возможности, чаще приезжать, - произнесла Аня.

3 .

Татьяна Дмитриевна с Гришей и Вера Дмитриевна с мужем Сашей и сыном Володей жили в одном доме, расположенном напротив церкви. Город рос и ввысь и вширь. Особенно внимание жителей приковывала церковь, там шли реставрационные работы. Свежая краска на куполе переливалась под солнечными лучами золотистым цветом. Птицы: голуби и вороны, как бы осознавая воскресающую людьми святость, радовались игравшим лучам света на самой верхушке купола и поэтому носились вокруг, боясь сесть как раньше на купол и крест. Сам купол напоминал шлем богатыря, видевшего не только людское горе, но и слезы радости скачкообразной жизни страны. Саша и его товарищи были добровольцами и выполняли реставрационные работы. К ним подошел Наумов Николай.

- Присоединяйтесь, и для Вас найдется работа, - сказал Саша.

- Так я и не художник и не строитель, - произнес Николай, - не обладаю таким даром.

- А у тебя какой дар? - не унимался Саша.

- Журналистики.

- Да, журналистика, тоже дар. Надо уметь заставить свой мозг работать, чтобы материал был для всех доступным, необходимо уметь правильно подать. Так я понимаю, не унимался Саша,- ты прямо таки журналист, журналист.

- Не совсем журналист. Я поэт российских писателей.

- И документ есть?

- Есть.

- А покажи…

Николай достал из нагрудного кармана пиджака красную книжечку с выбитым гербом России, где золотыми буквами выбито: «Союз российских писателей».

- Такой документ и у нашей Танечки есть. Она у нас грамотная, работает учителем в школе, преподает русский язык в старших классах. Ты представляешь, она учит старшеклассников перед экзаменами, как лучше заставить свой мозг работать. Когда ребенок всю ночь учит, не спит, то перед экзаменом надо умыться холодной водой, или принять холодный душ, на крайний случай подержать руки в холодной воде. Тогда приток крови будет сильнее и человеку думается лучше. А можно отжаться несколько раз, увеличится частота сердцебиения, и тоже кровь прильет к голове, сосуды расширятся, лучше думается. А вот, когда человек учит,

учит, надо днем поспать минут пятнадцать, двадцать. Дневной сон увеличивает память на пятьдесят четыре процента, и на тридцать два процента лучше работает мозг.

- Так это мой друг и коллега Семерова Татьяна Дмитриевна, произнес Наумов. Но таких подробностей я от нее не слышал. А как же проснуться вовремя.

- Она мне сказала, что перед сном, надо выпить стакан кофе, тогда проснешься через двадцать минут, пояснил новый знакомый.

- Ты ее начальник? - уточнил Саша.

- Нет. Я руководитель.

- А она подчиненная?

- Да нет же. И я, и она поэты, никаких начальников у нас нет. И денег никто не получает.

- А за чей же счет ты живешь?

- Я перенес инфаркт сердца и получаю пенсию.

- Так пиши о нас, - попросил Саша, мы воскрешаем церковь.

- Раз церковь возрождают - возрождают душу человеческую, которую измяли, изжевали, довели до того, что человек не знает, куда идти и как жить, кому верить? Но спасем ли мы человечество, обогатив его духовно? Мы покорили космос, открыли атом, управляем наукой, только люди ничего не знают про себя. Ведь нас даже не удивишь ростком, пробившимся через толщу бетона и асфальта. Все живое тянется к нам.

Вечером Саша пришел к Татьяне и рассказал о его разговоре с Наумовым Николаем и спросил:

- Танюша, а ты его знаешь?

- Знаю ,- ответила она, проверяя тетради.

- А он правильный человек?

- Что значит правильный человек? - уточнила она. Человек считается хорошим, если пятьдесят один процент сделано им хороших поступков и сорок девять плохих. Плохой человек, если наоборот. А, я хороший человек? - спросила Татьяна его.

- Ты милосердная, ты всегда прощаешь, - произнес Саша и моя Верочка милосердная. Вы надежные, честные, порядочные.

- А ты, надежный?

- Я запойный, и не только Верочку втянул, но и сына приобщил, а потом потерял. Я и ее могу потерять. Ладно, Танюша, пойду домой.

Татьяна продолжила проверять тетради. Солнце спряталось за огромной черной тучей. Порывистый ветер срывал последние листья с деревьев и гнал их вместе с пылью по улицам города. Привыкшие к перемене погоды березы качались, касаясь друг друга кромками верхушек. В этот осенний день Татьяна не находила себе места. По ее телу прокатывались теплые волны, переходящие в озноб. Ей предстояла встреча с любящим ее человеком.

Одна из сотрудниц, заметив ее состояние, поинтересовалась:

- Татьяна Дмитриевна, уж не заболели ли вы?

Не зная, что ответить, сделала вид, что не расслышала и мысленно спросила себя:

- А ведь и правда, здорова ли я?

Все валилось из рук. Внимание ни на чем не задерживалось. Одно утешало: рабочий день заканчивался. Придя домой, Татьяна до поздней ночи слонялась из комнаты в комнату. Из этого состояния ее вывел телефонный звонок.

- Татьяна, наконец-то дозвонилась, - зазвучало в трубке, - он в городе. Может, встретитесь?

Татьяна молчала, но Мария Алексеевна продолжала:

- Завтра в тринадцать часов мы ждем тебя на автовокзале.

В трубке раздались короткие гудки в такт стуку Татьяниного сердца. Нахлынули воспоминания многолетней давности. Она вытащила из ящика секретера пачку писем и стала их перечитывать:

- Здравствуй, Танюша. Я очень скучаю. Напрасно ты отвергла мою любовь, переживаю и не понимаю, что тебя связывает с мужем? Ребенок? Забирай Гришу и приезжай ко мне. Хочешь, я приеду? Рано или поздно вы все равно расстанетесь.

Слезы застили глаза, пророческое письмо выпало из ее рук. Спустя несколько лет она действительно разведется с мужем.

Татьяна и Шилин Василий учились в училище. Высокий, умный, добрый сероглазый любимец учителей и товарищей, встречался с Валей, девочкой из их группы. Они гуляли по городу, ходили в кино и на танцы. Но Татьяна догадывалась, что Василий все-таки не любит Валю, он неравнодушен к ней. Однако, чувствуя с ее стороны лишь дружеское отношение и боясь быть отвергнутым, он продолжал встречаться с Валей.

Однажды Татьяна поспорила с подругами, что отобьет Василия у Вали.

- Подумаешь, дружба, - насмешливо сказала Татьяна, - захочу и уведу этого «верного» средь бела дня.

- Увести на один день – мало. Ты должна с ним встречаться после этого хотя бы месяц, - поставили свои условия подруги.

Татьяна согласилась. Пари состоялось.

Татьяна все рассчитала: если он любит ее, смелый, сильный, готовый в любую минуту прийти на помощь другу, именно он должен оказаться первым около нее, если случится с нею беда.

Шел третий урок. Девочки ждали. Татьяна вышла к доске отвечать и упала. Не прошло и секунды, как она оказалась на руках у Василия, услышала его взволнованный голос:

- Потерпи, Танечка, потерпи…

Татьяну привели в «чувство», потом Василий и одна из подруг отвезли ее в медпункт, где врач сказала:

- Переутомление. Нужен покой.

Василий проводил Татьяну домой. А она в это время думала:

- Как удержать его целый месяц, не подозревая, что заболела.

В душе ругала себя за глупое пари. Совесть, как червь яблоко, подтачивала ее здоровье, силы покидали, и Татьяна действительно слегла.

Подруги не верили в болезнь Татьяны, считали, что это продолжение ее игры. Только Василий не оставлял Татьяну в одиночестве. Тревожно вглядываясь в ее осунувшееся лицо, он старался выглядеть веселым. Чтобы поддержать любимую, он рассказывал ей смешные истории.

Затянувшаяся болезнь Татьяны сблизила их, и освободила Василия от чувства вины перед Валей. Однако Татьяна понимала, что не только выиграла спор, но и перестала уважать себя за то, что разрушила отношения Василия и Вали. Это мучило ее тогда, и потом, всю жизнь, до самого ночного звонка Марии Алексеевны. Тогда в ученические годы, Татьяна не приняла предложение Василия стать его женой. После окончания училища он уехал работать по распределению. А Татьяна стала часто приходить к бывшему мастеру их группы, Марии Алексеевне, с просьбой вызвать Василия телеграммой, зная, что он бросит все и прилетит. Но на следующее утро отменяла свою просьбу. Шли годы, Татьяну все сильнее мучила совесть, она надеялась на встречу, мысленно готовилась к ней.

Во время прогулок по городу ей иногда казалось, что навстречу ей идет Василий. Она замирала на минуту и потом опрометью бежала прочь. Когда тоска подступила настолько сильно, и она не знала, куда деться от одиночества, невольно перед нею возникал его образ, его улыбка, большие серые глаза, его манеры и жесты. И ей хотелось закричать:

- Прости меня! Мне трудно жить без твоего прощения! Мое одиночество, беды и несчастья, моя душевная боль - все из-за моего коварства. Василий, прости, слышишь? Прости меня!

Василий женился, уже дважды стал отцом, и вот завтра они встретятся. Каков он теперь, - директор крупного совхоза.

Татьяна торопилась на свидание. Она увидела Василия и Марию Алексеевну.

- Танечка, а голос у тебя прежний переливчатый как колокольчик, только повзрослела. Долгие годы я ждал звонка и мысленно разговаривал с тобой. Я даже привык к такому общению, мне казалось, что ты рядом…

Татьяна смотрела на него, отмечая про себя:

- Располнел слегка, но глаза те же, добрые. Наверное, очень уважаемый человек, но … и тихо произнесла:

- Ты, Василий, прости меня. Тогда в училище произошел спор между мной и девчонками, что я уведу тебя от Валентины. Я была глупая. Прости, если сможешь.

В это время объявили посадку на автобус. Они стояли и, молча, смотрели друг на друга, и каждый понимал, что им нечего больше сказать друг другу после сказанного ею между ними пролегла огромная пропасть.

Чувствуя заминку, Мария Алексеевна начала торопливо объяснять Татьяне, что Василий с женой был на свадьбе своей сестры. Жена его, Ира, осталась с детьми погостить, а Василий возвращается на работу: как всегда неотложные дела.

Голос диспетчера напомнил об отправлении автобуса, и Василий торопливо стал прощаться.

Татьяна почувствовала, что груз, который она носила в себе столько лет, перестал ее тяготить. Стало ясно, что тогда, в молодости, она поступила правильно, отказав ему стать его женой. Она облегченно произнесла:

- Спасибо, Мария Алексеевна за то, что организовали нам встречу. Меня все эти годы мучила совесть перед Василием. Иногда я думала, что может, Василий моя половинка. Теперь я убедилась, он не мог быть моим мужем. А значит, есть на земле половинка моя, - произнесла Татьяна.

- Молодец Татьяна не распыляется, не цепляется за мужчин, знает, зачем человек живет на земле,- подумала Мария Алексеевна.

В обеденный перерыв пасмурного дня Семерова Татьяна Дмитриевна сидела на скамейке у могил своих родителей. В одной оградке захоронены родственники трех поколений. Кладбище было ухоженным и утопало в зелени деревьев.

Больше тридцати лет назад, теплой июньской ночью, под знаком Воздуха – активной жизненной стихии, которая стремится заполнить пустоты, в доме Семерова Дмитрия Николаевича раздался крик новорожденной. Умерли родители, но она в самые «черные дни» идет на кладбище, чтобы поговорить с ними, пополнить свои душевные силы, которые ей необходимы в работе, и в ее неустроенной жизни.

Татьяна росла совершенно не переносящим одиночество ребенком. Согретая и наполненная любовью отца, милосердная, с ранних лет была способна на великую отдачу чувств. Жертвовала собой ради мужа, но не получив тепла взамен, ушла как улитка, в себя, а затем и от него. Одиночество толкало ее на поиск того единственного, без которого жизнь не имела смысла. Видимо от Близнецов досталась Татьяне некоторая раздвоенность. С одной стороны – ум, проницательность, мягкость в общении, умение ладить с людьми помогли ей достичь успехов в работе. Хотя она долго поднималась по служебной лестнице, прежде чем достичь высоты. А с другой стороны – именно критическая оценка, понимание людей, не давали возможности найти равного партнера, которому бы подарила Татьяна свою преданность и нежность.

Светило яркое солнце и шел грибной дождь. Природа щедро поила дочку-землю. Промокшая до нитки Татьяна встала и медленно пошла по кладбищенской тропинке, ведущей

к выходу. Вот она остановилась, оглянулась. Могилы ее родителей были окружены березами и цветами. После дождя березы казались величественнее и грациознее. Кладбище было залито светом. Он падал на елочки-подростки, которые выбросили множество светло-зеленых побегов, стремящихся быстрее стать взрослыми елями. Татьяна Дмитриевна торопилась. Еще нужно было собрать вещи для поездки в свою первую командировку.

Придя домой, она разложила свои платья.

- Нет, это слишком нарядное, а это слишком строгое, - вслух рассуждала она, примеряя вещь за вещью.

Наконец-то подобрано то, что одновременно делало ее обаятельной и деловой, и отражало её скромность. Нанесенный макияж, придавал и без того красивым зеленым глазам еще большую выразительность, а губная помада подчеркивала ее женственность.

Заказной автобус стоял в назначенном месте. Из глубины салона раздался зычный голос женщины:

- Васильевич, кого ждем?

- Семерову Татьяну Дмитриевну.

- И долго будем ждать?

Она руководитель группы и сейчас оформляет документы. Да вон она уже бежит.

Жемчужный Андрей Алексеевич посмотрел в окно. К автобусу торопилась среднего роста со вкусом одетая женщина. Вбежала в салон автобуса и шутливо крикнула:

- По коням, ребята!

Улыбка озарила молодое лицо, лишь морщинки у глаз выдавали истинный возраст.

Нежным бархатным голосом Татьяна спросила:

- Где же сесть?

В салоне раздались голоса:

- Дмитриевна, ко мне садитесь. Правда, это «галерка», тряско будет.

- Можно здесь сесть,- пригласила блондинка.

Высокий мужчина в черном пальто и черной шапке, в белом вязаном шарфе, встал с кресла и настойчиво произнес:

-У меня свободное место, идите сюда. Сидеть будете у окна.

Татьяна Дмитриевна прошла, чтобы сесть на предложенное Андреем Алексеевичем место.

- Подержите, пожалуйста, мою сумочку, пальто поправлю, - произнесла она и долго поправляла пальто, чтобы не измять его в пути.

Автобус тронулся. Татьяна взяла сумочку у спутника. Он повернул к ней голову и спросил:

- По приказу едете?

Она вскинула голову, чуть наморщила лоб, вспоминая, где могла видеть этого человека.

- По приказу. А вы Жемчужный Андрей Алексеевич – экономист треста?

- Он самый, - пробасил он.

И его серые глаза, обрамленные длинными ресницами, излучили тепло. Между ними завязался непринужденный разговор. Сначала о литературе, театре, кино, затем о жизни. Андрей сетовал на то, что в операх и опереттах не разбирается.

- Детство прошло в деревне, родители не смогли привить любовь к этому виду искусства. Зато с удовольствием читаю, смотрю фильмы, увлекаюсь лыжами.

- А я лелею надежду, - сказала Татьяна, - если выпадет свободная минутка, сходить в театр.

- Напротив, в соседнем ряду сидела Тамара Михайловна с мужем. Она несколько лет работала с супругом Татьяны Дмитриевны. От сослуживцев часто слышала, что повезло Юрию,

женился на доброй, терпеливой женщине. Тамара Татьяну Дмитриевну видела один раз и сейчас толкнула мужа:

- Вань, а, Вань, это покойного Юрия жена сидит с Жемчужным Андреем Алексеевичем?

- Да.

- Юре повезло.

- В чем?

- А ты что не видишь, какая она красивая. А он невзрачный, картавый, да к тому же сидел в тюрьме.

- Может он дома другой, - улыбаясь, произнес Иван.

- Нет, не верю, что он дома другой. Они не пара. Ведь говорили, что после развода, а потом смерти первого мужа у нее были поклонники. Почему именно на нем, плесневелом, как поганка, сделала выбор?

- Только ей известно, почему она вышла замуж за Юрия, - ответил муж.

Наступила тишина. Но вот Тамара перехватила взгляд Андрея Жемчужного и опять заговорила:

- Вань, посмотри, вот была бы пара, а то… выбрала Юрия.

- Ты мне не даешь отдохнуть. Спи.

Но Тамаре Михайловне не терпелось выведать у мужа подробности. Ведь Юрий и Иван родились и жили до армии в одной деревне. Там все знают друг о друге.

- Вань, расскажи, почему Татьяна вышла замуж за Юрия?

- Пристала как репей, не отдерешь, - проворчал Иван.

- Расскажи, - не унималась Тамара.

- Это правда, что Татьянин первый муж от ста граммов водки, был невменяем, устраивал скандалы?

- Тут все неоднозначно, - начал Иван,- ее первый муж был вторым ребенком дважды Героя СССР. Очень уважаемого, красивого, статного белокурого тридцатилетнего майора по кличке «банзай». Война лихо прошлась по судьбам неокрепших мальчишек, и после войны они боролись с кем угодно, даже с женами. Вот и отец Ивана стрелял якобы в детей, чтобы вышла из укрытия жена. И умер-то Татьянин муж не из-за пристрастия к выпивке, а из-за любви к Танечке и сыну Грише, из-за того, что не мог подойти к ним, потому, что дал расписку. Лет восемь Татьяна жила с ребенком у родителей. Боялась пьяных людей. Много было поклонников, а взял ее сердце Юрий трезвостью, завоевал доверие ее матери и сына Гришки. Говорили, что Татьяна ни первого мужа, ни Юрия не любила, но жертвуя собой, жила с ним, лишь бы маме с сыном было спокойно. Мама-то ее воспитала четырех неродных детей: трое было у мужа, а четвертую Риту, она подобрала брошенную в лесополосе родной мамой, во время войны.

- Вань, а это правда, что Юрий и Татьяна жили хорошо?

- Правда. Татьяна была беременна от него. Ребенок при родах умер.

- Тамара прижалась к мужу:

- Вань, как же она терпела нелюбимого человека?

- Не знаю, - ответил муж, засыпая.

- Мать умерла. Сын в институте. Чего терпела? Ради кого жила?- вновь услышал голос жены Иван.

- Да замолчишь ты или нет? - прикрикнул он.

Многие пассажиры давно спали, откинув спинки сидений.

Татьяна, закрыв глаза, сказала:

- Поспи, Андрей Алексеевич, дорога дальняя, неизвестно как быстро вселимся в гостиницу, откинула спинку кресла и задремала.

Андрею было не до сна. Его волновала хрупкая, светящаяся искренностью, душевной чистотой, Татьяна. Он смотрел на нее. Татьяна наклонилась к нему, продолжая спать. Авто-

бус покачивало. Его охватывала боязнь, что в один из сильных толчков Татьяна проснется и закончится его счастье. Поэтому он твердил как заклинание:

- Спи, Танюша, спи.

Взошла луна. Андрей смотрел на нее, и ему казалось, что она грозит ему:

- Полюбуйся, но не смей мечтать о близости с ней.

- Как среагирует Татьяна на то, что спит у меня на плече? - пронеслось у него в голове.

Его взгляд перешел вновь на луну, и теперь ему показалось, что она любуется ими, улыбается, подмигивая ему. Автобус остановился. Пассажиры стали выходить.

- Где мы? Не отрывая глаз, спросила Татьяна Дмитриевна.

- По-моему, где-то перед Ростовом.

- Размяться, что ли? Подышать свежим воздухом?

- Пойдемте. У меня тоже ноги затекли.

Они вышли из автобуса. После тепла и долгого сна, Татьяну Дмитриевну окутал прохладный воздух. Андрей снял пальто, накинул Татьяне на плечи. Минут пять ходили.

- Размялись? Можно дальше ехать? - спросила Татьяна Дмитриевна.

- Ехать, так ехать, - ответил за всех водитель.

Она посмотрела на Андрея, и от ее взгляда, у него сладко защемило в груди. Татьяна, уловив его мысль, спросила:

- О чем задумался, Андрей Алексеевич?

- О разводе, - хохотнув, - произнес он.

- Андрей Алексеевич, - развод – это болезнь цивилизации, статистика доказывает, что наша страна по числу разводов на втором месте в мире.

- А может, излечение от старой болезни – окаменелости семьи. Причины разводов разные, в каждой семье причина своя, - сказал Алексеевич.

- Может быть, - задумчиво молвила Татьяна Дмитриевна, - ведь каждый человек, имея право на развод, имеет право на исправление ошибок в выборе спутника жизни. Право на поиск личного счастья.

- Лучше бы этого поиска не было, - сказал Андрей Алексеевич.

Водитель стал заводить автобус. Все заняли свои места.

- Да, Андрей Алексеевич, не спорю, развод – дорога тяжелых потерь. Это как хирургическая операция: отсекая больное, спасаешь остальное.

Андрей жалел о начатом разговоре. В голове пронеслась вся его жизнь от того дня, как он пришел из армии, никем и ничем не испорченный совсем еще мальчик, случайно встретил Люду, на несколько лет старше его, не красавицу, но зато верную и правильную во всех отношениях. Родилась дочка, а с нею нестерпимая ревность жены. Никаких разговоров с женою не велось, все разговоры приводили к нервным срывам жены. Поэтому, с понедельника до субботы работа, естественно домой он приходил, только чтобы переночевать. На выходные старался уехать в деревню к старым родителям. С ранней весны до поздней осени, копал, сажал, поливал, убирал, летом из лесу завозил дрова, а зимою пилил, колол, носил воду. Это как-то держало его в семье. Через десять лет родилась вторая дочка, думал, что это как-то укрепит его отношения с женой, а вышло все наоборот. Маленькой дочке было всего семь месяцев, и жена подала на развод. Он ее не отговаривал. Видеться после развода он мог только со своей старшей девочкой, и то только по пути в школу или из нее. Если жена узнавала о встрече, ребенок был наказан. О встрече с крохой и говорить он с женой, не смел.

- Дмитриевна, - тронул он Татьяну, - не обижайся на меня.

- Да что ты, не волнуйся, разве это боль в сравнении с той, которую причиняли другие.

- Когда я ушла от своего первого мужа, мне было двадцать лет. Работа тяжелая, это сейчас модно говорить о временах застоя, а нам, что застой, что перестройка, знай, работай, чтобы свести концы с концами.

Она замолчала, думая о своих заботах, проблемах.

На место приехали на следующий день под вечер. Девчата стали приводить себя в порядок, собираясь сходить в ресторан, кто-то пожелал пойти на танцы. Женщины и мужчины постарше решили провести вечер в одном из номеров гостиницы за чаепитием.

Татьяна Дмитриевна прошлась по номерам, каждого расспросила, не нуждается ли в чём. Все были усталые, но довольные.

Весь вечер, чем бы ни была занята Дмитриевна, она думала об Андрее. Прилегла отдохнуть, и ей приснился сон: широкий луг с разнотравьем, по которому она вышла на ржаное поле, где набрала букет васильков. Проснулась от стука в дверь.

- Иду, иду.

На ходу набросила на себя халат:

- Сейчас. Уже открываю.

Перед ней стоял Андрей. Высокий, стройный блондин, в белоснежной рубашке, в костюме серого цвета, в черных туфлях. В руках у него был букет гвоздик и билеты в театр.

Татьяна не смогла сдержать радости: встала на цыпочки и поцеловала Андрея в щеку. Его серые глаза засветились от счастья.

Вернулись из командировки они добрыми друзьями. Татьяна Дмитриевна решила отметить свой день рождения и пригласила Андрея.

- Хорошо, но у меня условие, предоставь организацию праздника мне. Твоя задача к девятнадцати часам к себе домой пригласить гостей и чтобы они взяли теплую одежду. Согласна?

Татьяна Дмитриевна, молча, стояла в недоумении.

- Согласна,- наконец-то ответила она.

В назначенный час собрались гости. Улыбаясь, Андрей спросил:

- Теплую одежду взяли?

- Да, - хором прокричали те.

Он, заразительно, смеясь, хлопнул в ладоши, открылась входная дверь, и вошел его брат Костя. Внес платье, туфли и французские духи, подал Андрею, а он имениннице. Все удивленно ахнули. Когда она, переодетая в подарки Андрея, вышла к гостям, он во второй раз хлопнул в ладоши, на пороге появился сын Тани, которого телеграммой вызвал Андрей Алексеевич. Гриша взял мать под руку, и они вышли из квартиры, но чудеса не кончались. Все ступеньки, начиная от ее квартиры, были усыпаны ее любимыми полевыми цветами, а на улице стояли машины. Счастливая, не привыкшая к вниманию, Татьяна не переставала удивляться. Когда приехали на базу отдыха, гостей уже ожидали накрытые столы. Лилась музыка, произносились тосты. Подруги Татьяны разговаривали между собой:

- Где они?

- Пошли к реке.

- Их надо положить вместе.

- Но как? - захлопала Надя своими большими ресницами.

- Как, как? Разляжемся с мужьями, а им оставим домик открытым…Воспитанные, будить не станут. Так и сделали.

А в это время Таня и Андрей спустились по крутой лестнице прямо к реке, вдоль берега которой, разросся сосновый бор. Нарушая тишину, раздавался крик филина. Он, то плакал, как ребенок, то раздирающе кричал по-кошачьи.

По правому пологому берегу реки селяне скосили траву, и сено было собрано по всему лугу в копны. В воздухе витал запах лесной сырости, смешанный с запахом сухого разнотравья. Давно смолкла музыка. Возвращались на базу отдыха в полной тишине. Подошли поближе, дверь одного из домиков была открыта.

- Попробуй, разберись, кто, где спит? – молвила Таня.

- А к чему разбираться? Пусть спят.

Вошли в домик. Закрыли дверь. Включили свет. Таня прилегла. Андрей хотел включить настольную лампу, но так и не дотянулся до нее. С утра до вечера, уже несколько дней в душе у него звучала музыка. Играючи переделывал массу дел. Любил, и ему было непонятно, как это такое огромное радостное чувство вмещалось у него в груди. Не спал ночами. Мечтал, мечтал. И, вот, наконец, наступила их ночь. Он понимал, чувствовал, что именно сегодня должен произойти праздник его любви, привлек ее к себе, прижал к груди.

- Танечка, как же я жил без тебя?

- Не надо, Андрей, не надо. Я не готова ответить на твои чувства. Слишком мне много пришлось пережить. Столько было огорчений в жизни с Юрой, смерть ново рожденного сына и смерть Юрия. Не начинай, не надо.

- Жизнь моя, счастье мое, Танечка, любовь моя запоздалая, - шептал Андрей.

- Нет. Не сегодня. Не сейчас,- раздробил тишину голос Татьяны.

На следующий день ее друзья и гости разъехались по домам. Не до любви было Татьяне Дмитриевне. У нее, кроме тяжелой работы на руках была хрупкая, как хрустальная ваза, жизнь сестры Верочки и судьба ее единственного сыночка Гриши.

4

С авоськой в руках из подъезда вышла Обидина Вера Дмитриевна, сестра Семеровой Татьяны Дмитриевны.

- Глянь, - толкнула Матрена Кузьминична рядом сидящую на лавке Наталью Игнатьевну, - краше в гроб кладут.

– Это она стала такой после того, как перенесла гипертонию. Чуть не загнал человека на тот свет, чтоб ему пусто было.

- Кому?

- Ее начальнику. Проработала Дмитриевна двадцать с лишним лет старшим путейцем. За один мах костыль забивала.

- Молодец! Сама работала путейцем, знаю, что не только сила, но и ум, сноровка человеку нужна, - произнесла Игнатьевна.

- Да ты слушай, повысила голос Матрена, сама работает и другим не дает посидеть. Поэтому начальник пути, Злобин Юрин Николаевич, без ее согласия поставил Дмитриевну бригадиром. Она пошла супротив. Начальник, привыкший с других требовать подчинения, пригрозил ей: «Будешь дурить - умоешься слезами. Не хочешь работать бригадиром – увольняйся». На следующий день после этого разговора приходит Вера на работу, а тут сход вагонов произошел. Рельсы вывернуло и положило набок. Собралась комиссия. У Верочки мороз по коже пошел. Глядит на своего начальника, а у него аж лицо вытянулось, после того как стало известно, что путь был по шаблону в норме. А ведь он вину хотел свалить на Дмитриевну. А тут при разборе дела комиссия заявила Юрию Николаевичу:

- Твоя вина, хозяин. У тебя гнилое шпальное хозяйство.

- Услышал эти слова дорожный мастер (пьянь несусветная) Петр Скотинин, испугался начальника и присоветовал Вере прикусить язык. Дескать, будем друг друга защищать. Взяла Дмитриевну оторопь. Молчит, что не давал Скотинин ее бригаде работать на своем участке, а забирал для работы на другие объекты, а шпалы на этом участке не менял, надеялся на авось. А тут на собрании Петруха встал и давай не нее грязь лить. Это хорошо, что у нее на него бумага была написана. Она, молча, и положила при всем начальстве докладную на стол. Обиделся на Дмитриевну Скотинин и стал держать камень за пазухой. Придет она домой, плачет, жалуется на обидчиков. А дома:

- Не плачь, не то теперь время. Будет управа на вашего горлохвата Злобина.

Верочка думала, уладится все по-человечески. Но Злобин перевел ее из бригадиров путейцев на три месяца по второму разряду. Тут-то ее за живое и взяло.

- Я не согласна с таким наказанием, - заявила Дмитриевна начальнику.

- А будешь жаловаться, - говорил он ей, - еще не то будет.

- Господи! Откуда же у людей столько злобы, - возмутилась Игнатьевна.

- Мою полы у инженера, - продолжала Кузьминична, а краем уха слышу, как он успокаивал Веру Дмитриевну.

- Ты, Дмитриевна, на председателя комиссии по трудовым спорам не держи обиду. Ему до пенсии год остался. Если бы он настоял на полной отмене твоего наказания, выгнал бы его Петруха Злобин. Он и так через себя переступил, когда вынес решение об уменьшении наказания (с третьего на второй разряд тебя перевести). Не волнуйся Дмитриевна, пиши заявление в профком.

Председатель профкома, Лисичка Алена Ивановна, пошла с Вериным заявлением к начальнику, молча, выслушала его крик, испугалась потерять свое мягкое кресло около батареи. Так и получила Дмитриевна вместо поддержки профкома – отказ.

- Что дальше было, ни приведи Господи никому. Она захотела вывести их логово на чистую воду. И стала ангельского характера Верочка для начальника заклятым врагом,- пояснила Матрена Кузьминична. Убираю в кабинете начальника, а он шушукается с Лисичкой:

- Можем попасть впросак. Надо разделать Обидину под орех, чтоб другим не было повадно. Создадим конфликтную комиссию из «своих», пригласим Дмитриевну сдать экзамен на подтверждение четвертого разряда.

- Не утерпела и рассказала я Вере Дмитриевне про мною услышанный разговор, - сказала Матрена Кузьминична. Смотрю, уехала сдавать экзамены в отделение дороги. Сдала на четвертый разряд, а платили больше года по третьему. Так-то ее наказывали. Через неделю поливаю цветы в кабинете у Алены Ивановны. Так она Ильину говорит: «Боюсь я Злобина. Знаю, что Обидина права, но я ее не защитила. Кто б мог подумать, что добрая Дмитриевна на дыбы встанет. Что ж со мною будет?

Тут я не выдержала и вмешалась в разговор:

- Своею головою думай, Алена Ивановна, тогда не будешь выглядеть мокрой курицей. Для чего ж мы тебя выбирали председателем профкома? Ильин подпрыгнул, уж чтобы она и он сказали мне, не знаю, но дверь отворилась и вошла из отдела кадров Надежда Петровна. В руках у нее был ответ на вторую жалобу Веры Дмитриевны из отделения дороги.

Позже, Игнатьевна, я узнала, что и на этот раз начальник не среагировал и не снял наказание, хотя в ответе на жалобу было указано на это.

- Люди добрые, что ж он такой упертый, а? - запричитала Наталья Игнатьевна.

- Да. Если бы не добрые люди, - проговорила Матрена Кузьминична,- неизвестно, чем бы все закончилось. А то поддержала бригада, конторские служащие, поэтому Вера Дмитриевна не поникла духом. Ждала ответа на вторую свою жалобу из Министерства путей сообщения, а сама с валидолом в кармане ходила.

- Главное, Дмитриевна, люди за тебя, - успокаивала ее подруга по работе, - а на начальника найдется управа, все уладится, и на него будет дубина, как на Леонтио из фильма «Рабыня Изаура».

Дождались каждый своего часа: Верочка – полного освобождения от наказания, а начальника лишили премии за квартал на полную катушку. Жаркое было собрание. Люди заявили, что руководство будут менять.

- Ох! Боже ты мой!- принялась вытирать вспотевшее от перенапряжения и переживания лицо собеседница. Наконец-то восторжествовала справедливость, Кузьминична, а он сам издал приказ о снятии наказания с Верочки?

- Снял, снял. Выплатил недоплаченные денежки до четвертого разряда. Если б не тот сход вагонов, так бы работали, не зная истинного лица руководства, да и рабочих. А теперь и шпалы стали поставлять вовремя и менять их.

Из-за угла дома показалась Вера Дмитриевна.

- Не замерзли?

- Свежо, но не замерзли. Ты-то как, Верочка? - спросила Кузьминична.

Не отойду никак после болезни, хоть восторжествовала справедливость, сил прежних нет. Измотали меня. Быстрей бы забыть все, устала. После этих слов она обернулась и увидела свою младшую сестру Татьяну, которая шла к ней. Посмотрите, бабушки, моя сестричка идет ко мне. Это она мне подсказывала, что и как делать, поддерживала в трудную пору, писала письма, и я победила в схватке. Смотрю на нее, и мне хочется жить. Умеет она прятать свои невзгоды от людей, и поэтому кажется всегда счастливой. Танечка, как и покойная мама, знает, ради чего живет на земле.

Притихшие женщины смотрели на юную Татьяну радушно и внимательно. Она поздоровалась со всеми, обняла Верочку, и они удалились в подъезд.

- Счастливая Верочка, имея такую сестренку, - произнесла Матрена Кузьминична. Ей есть на кого опереться в старости.

Татьяна Дмитриевна сидела в кресле в раздумье о своей жизни. Ее обволакивала тишина, голова становилась благодатным шатром для мыслей, возникали вопросы, планы, проблемы. Всплывали забытые факты, тут же планировалась будущая деятельность. Велся диалог с воображаемым собеседником, своим внутренним я. Татьяне не удавалось остановить работу. В ее голове мыслям не было ни секунды покоя. Реального отдыха не было даже во сне. От раздумий становилось скверно на душе. Ход мыслей был прерван телефонным звонком разорвавшим ее удручающее состояние.

- Да, ответила Татьяна.

- Татьяна, здравствуй, - послышалось на другом конце провода, - вы часто хвалите моего мужа, так вот, хочу сказать, я его сдала в милицию.

- За что?

- Устала говорить, чтобы бросил пить, а он снова пришел поддатый.

- Он обижал тебя, детей, родителей?

- Нет.

- А за что ты его сдала?

- Как за что? Я его предупреждала, если появится, дома выпивши, будет ночевать в милиции.

- Может ты не права? Может, надо было с ним поговорить и выяснить причину выпивок и тогда они отпали бы сами по себе?

- Да…а. Я еще буду унижать себя разговорами.

- Татьяна поняла, что бесполезно беседовать и сказала:

- Это ваши семейные дела, разбирайтесь сами. Извини, Роза, но мне сейчас не до разговоров, и положила телефонную трубку, возмущенно, проронив:

- Наделает дел, не спрашивает совета, теперь грязь разносит по домам.

В свои двадцать восемь лет морячок, Наумов Николай Александрович, приехал в Железногорск к младшему брату на свадьбу. На нее была приглашена и Роза. По первому мужу, который покончил с собой, страданий и переживаний с ее стороны никто не видел. Детей общих не было. А тут на горизонте появился деревенский красавец, поэт. Она влюбилась - он пожалел вдову. Поженились, через четыре года развелись.

Если бы у Розы не было страха, что Николай ее не любит, то, наверное, он бы ее любил, а она бы перестала испытывать страх. Глядишь и жизнь бы наладилась. Ведь мужчина по своей природе берущая сторона, и недаром есть очень точное жизненное выражение: мужчина «берет

женщину» в жены, женщина «выходит замуж». Николай Александрович взял Розу. Она же, выйдя за него, не была готова к семейной жизни, поэтому и первый муж удавился. Жадничала и не хотела делиться с ним, тем, что у нее было, он просто ее жалел, но не любил. Итак, она ничего не смогла дать, а ему и брать было нечего. Пришел на территорию родителей Розы. Если образно сказать, пришел к источнику, но его никто не научил беречь чистоту источника и он бесцеремонно зашел прямо в воду, вода стала мутной и не пригодной для питья. Поэтому в следующий раз источник явил ему лишь грязное дно. Жизнь не сложилась, без любви родилось двое детей. Николаю Александровичу пришлось выбирать – либо умереть от жажды, либо искать новый источник. Роза не смогла, а может быть не хотела дать в полной мере напиться жаждущему трезвому Николаю, поэтому не стала источником жизни. Не способный на измену, свою жажду, он стал утолять водкой, запивая грязной водой.

Стояли рождественские, ясные морозные дни, окрестность становилась живописнее, величественнее, чистое солнце вдали почти касалось золотисто-блестящей снежной равнины с чуть заметным зеленоватым тоном. Вечерами морозило, высокое небо холодело, синело. Далеко впереди виднелись верхушки нескольких сосен, особенно высоких. Людям легко дышалось зимним эфирным воздухом.

Татьяна Дмитриевна, приготовив кофе, усевшись у окна, стала любоваться снежинками, медленно и безмолвно летящими в тишине на землю. Этот снег напомнил ей вечер, когда Николай Александрович Наумов, муж Розы, провожал ее домой.

- Татьяна, можно я вас провожу? - спросил он.

Она оделась, и они медленно, шли по городу и разговаривали, разговаривали. Татьяна была тогда одета по-зимнему, а Николай Александрович был в расстегнутой куртке, без шапки. Разлапистые снежинки лениво оседали на его кудрявые длинные волосы. Когда они подошли к ее дому, Татьяна увидела вышедшего из подъезда своего мужа Юрия, сказала:

- Извини, но мне пора. Муж ждет.

Они расстались, пожав друг другу руки. Эта короткая встреча была настолько теплой, что она часто о ней вспоминала.

В скором времени ушел из жизни муж, и она осталась в плену одиночества. Каждый раз при встрече с Николаем Александровичем Наумовым невольно замечала его искреннее внимание к себе, да и сама тянулась к немногословному необыкновенно одаренному поэту и прозаику, как к чему-то доброму и светлому. После этого телефонного звонка ей захотелось встретиться с Наумовым Николаем Александровичем и поговорить о его семейных проблемах, попытаться сгладить, а не обострять его отношения с Розой, ведь у них растут дети, и он их очень любит. Татьяна это хорошо понимала и горела желанием помочь сохранить его семью.

Она шла по улице и случайно встретилась с ним.

- Здравствуй, Татьяна, - радостно произнес он, - как дела, как здоровье?

- У меня все нормально. А вот как у тебя?

- Вроде бы все хорошо.

- Вроде бы. А я наслышана, что они у тебя отвратительные.

- Да, нет. Все нормально, - убеждал ее Николай.

- А в милицию за что попал?

- О! Это особый случай.

- Не оправдывайся. Виноват. Так и скажи: «Виноват»

- Пришел с работы. Роза ни с того ни с сего «наехала» и давай без дела пилить. Я вышел во двор и с ребятами немного выпил, посидел с ними у подъезда. Думал, выпью, легче станет на душе, а Роза возьми и вызовы милицию. Я был практически трезвым, они без заявления не хотели даже брать меня, так она написала бумагу, лишь бы утвердить свое «я сказала». Мне пришлось отсидеть сутки. Но я на нее не в обиде, такая она у меня. И как бы там, ни было, а детишек надо растить, воспитывать, одевать и обувать.

- Так и расти, чего ж ты хватаешься за стакан?

Николай Александрович промолчал, потом сославшись на занятость, ушел.

- Счастье это небесный дар. Только у него есть один минус, так же как и у несчастья, большой плюс. И то, и другое заканчивается. А вот без сострадания, как без бензина мотор не заводится, - думал он. Более четырех лет я жалел жену.

- Я бы ушел, но дети, - рассуждал он. Их надо кормить, обувать, учить.

И не ушел от жены, но периодически не работал, чтобы кормить и принимать участие в воспитании детей. Он ушел с головой в поэзию и прозу.

- Я бы выгнала его, - размышляла Роза, но кому я нужна с двумя детьми.

И кропотливо (день за днем) прививала ему комплекс неполноценности, для того чтобы сделать управляемым. И ей это удалось. Но чтобы заглушить чувство вины, он стал пить.

Классический сценарий – вроде вместе, на самом деле врозь.

Роза постоянно сдавала его в медвытрезвитель (из добрых побуждений в качестве воспитания). Она старалась таким образом привить Николаю Александровичу былую трезвость, милосердие и рассудительность. Он, возвращаясь из « побывки», от обиды еще сильнее напивался и устраивал разборки.

- За что? - спрашивал, от бессилия, переходя на крик.

- Я тебя отучу пить, - твердила Роза.

Худо, бедно, а после развода еще целых двадцать четыре года протянули лямку. Он прятал ото всех и от себя в первую очередь любовь к Татьяне Дмитриевне. Татьяна Дмитриевна выходила замуж за Юрия, оставшись вдовой, ценила Наумова за его талант и за возможность пообщаться с умным человеком.

Николай Александрович Наумов ежедневно звонил Татьяне по телефону. Он поэт учитель – она учительница, талантливая ученица. Говорили в основном о поэзии. Ему было плохо, когда было плохо ей. Ей было больно, когда было больно ему. Но Татьяну стало радовать то, что он перестал выпивать, занимался воспитанием детей и своими коммерческими делами.

Ни разу на протяжении четверти века не взялся за руку, не раскрыл своих чувств Николай Александрович к Татьяне.

Одно было недоразумение, у Розы не осуществилась ее женская мечта: не стал муж зависеть от нее целиком и полностью. К тому времени он перенес два инфаркта. Долгие годы шло восстановление. Потом, имея торгашескую авантюрную хватку, он открыл ИП. Стал торговать продуктами. Вначале не было больших доходов, но семья не голодала. Родители Розы умерли, а вместе с их смертями исчезли их пенсии. Пятнадцать лет он не пил. И не потому, что как некоторые был «закодирован». Нет. Он хотел жить и творить. Но, чтобы писать не стихи, а поэзию нужна была муза.

Однажды (как, впрочем, и всегда), когда он провожал Татьяну Дмитриевну до остановки, после встречи поэтов, целовал ее в щечку и уходил.

Маршрутка отходила, она влетала в салон, он на лету хотел ее поцеловать в щечку, но промахнулся – получилось в губы. Татьяна Дмитриевна, позвонила своей крестнице, тоже поэтессе и сообщила:

- Он меня поцеловал.

Но когда крестница подробно услышала от своей крестной все, как на самом деле произошло, - произнесла:

- Мама, ты хронически больная. Николай Александрович подранок, как большинство людей, а может даже в большей степени, поэтому для него особенно важно казаться неуязвимым и сильным. Снаружи выглядит, как ощетинившийся ежик, а внутри обостренная ранимость и беззащитность. Он хорошо понимает, что с Розой трудно выстроить хотя бы добрососедские отношения потому, что она в них не нуждается. Но его черные волосы, карие глаза,

черные длинные ресницы, как у ребенка, пойми, ее, как женщину, всю жизнь трогают. И пока это так, он будет в семье.

- Нет, ты не права, - защищалась Татьяна Дмитриевна. Ощущение любви возникает, когда люди находятся в объятиях друг друга, а значит в биополе друг друга.

Но, ни одна из них в это время не знала, что это было начало начал.

Татьяна Дмитриевна раньше думала о себе, даже, если я никого не любила из мужчин, то все равно я отзывчивая, доброжелательная, а самое главное сострадательная. Но после поняла: никакая я не великодушная и даже не отзывчивая, если я выхожу замуж, потом остаюсь одна, спокойно живу, ни о ком не думаю, ни в ком не нуждаюсь.

- Господи, - рассуждала она, - может я эмоциональный вампир, который никого из мужчин не любил, но питается их любовью?

Проходило время, и она хохотала над своими соображениями и обзывала себя мазохистской. В одном была уверена, что помогая людям, сама становилась добрее и счастливее. Жизнь постоянно меняется, меняя людей. Татьяна Дмитриевна знала, что когда паника сменяет страх, человек находится на краю пропасти. Некоторых людей паника гонит в церковь, некоторых доводит до смерти. Но счастлив тот, кто пережил свои панические атаки и дожил до своей старости, кто был дочерью, женой, матерью, бабушкой, прабабушкой. Ей удастся прожить эти пять этапов жизни, подняться на самую высокую ступень, стать прабабушкой, она все-таки будет себя считать счастливым человеком.

Жена Николая, как по телефону, так и при встрече всегда негативно говорила Татьяне о нем, что он тунеядец, поднимает на нее и на детей руку. Но Татьяна твердо знала, что источник дохода семьи складывался из его бизнеса, что его дела шли успешно. Он выкладывался на работе полностью. В разговоре с Татьяной у него иногда проскакивали слова об усталости, о тех восприятиях мира, когда ему хочется уйти от всех, побыть в царстве природы, чтобы набраться новых сил для решения жизненных проблем. После того, как они прожили четыре года, Роза подала на развод и их развели, но Николай дал себе слово, быть вместе до совершеннолетия детей. Время в делах и заботах летело быстро. Однажды Николай Александрович расчесывался у зеркала и обратил внимание на цвет своих волос:

- В круговороте дел не заметил, как стал седым, - подумал он.

Его меньшая дочь спросила:

- Разглядываешь седину?

- Да, не заметил, как поседел.

Двадцатилетняя дочь улыбнулась и добавила:

- Седина тебе к лицу.

Он оделся, вышел из квартиры, подошел к стоявшей у дома машине и уехал на рынок. Ему все больше и больше хотелось общаться с Татьяной. Неведомая сила тянула его к ней. Жена нутром чувствовала его отношение к Татьяне и постоянно старалась говорить ей любые гадости о нем, лишь бы отдалить от Николая. Но и без ее слов Николай и Татьяна соблюдали всю жизнь огромную дистанцию.

Новогодний праздник заполнил город елками и огнями. Николай при встрече спросил у Татьяны:

- Где будешь встречать праздник?

- У сына, с его семьей. Новый год семейный праздник. И ты будешь дома праздновать?

- Да.

На этом предновогодний разговор закончился. Они разошлись по домам.

Николай, встречая новый год, не выдержал, выпил и позвонил Татьяне, поздравил. Выпил еще, немного отдохнув, вышел в город, зашел к другу, а затем к их с Татьяной общей знакомой.

- Поздравляю вас с праздником, - у порога проговорил он, открывшей дверь квартиры женщине.

- Спасибо, - залепетала знакомая, - проходи, гостем будешь.

После недолгого разговора он сказал Павловне, что хочет пригласить Татьяну.

- Да ты что, Николай Александрович, чтобы гордая красавица, спустилась до нас с тобой? - запричитала Павловна.

- Попробуем, скромно произнес Николай Александрович.

- Пробуй.

- Если можешь, то приезжай, встретим новый год в узком кругу друзей, - сказал по телефону Татьяне.

Татьяна согласилась. Целый вечер в квартире звучала музыка. Николай с Татьяной танцевали, отдыхали, пили вино, а ближе к ночи покинули гостеприимную хозяйку. Николай решил проводить Татьяну домой. Татьяна вызвала такси и они, усевшись в машину, ехали по ночному городу. Улицы, озаренные светом, казались коридорами в ночи, а свет в окнах домов глазами зданий, наблюдавшими за происходящим вокруг. Таксист ехал быстро, у светофоров останавливаться не пришлось, подрулил к самому подъезду. Но не Николай Александрович, а Татьяна заплатила за проезд, и это его не смутило, отметила про себя она.

- Прямо как в анекдоте, - вспомнила она.

Решили монахи с монашками встретиться. Один монах предложил выкопать туннель, чтобы в любое время незаметно ходить друг к другу в гости. Принялись за работу. Монашки копают себе и копают. Монахи то покурят, то поразмышляют, никуда не торопятся. Так и Николай Александрович не торопится расплатиться и улыбнулась. В полумраке подъезда Николай заметил счастливую улыбку Татьяны и добрый свет глаз, взял за руку и поцеловал в щеку. Поднялись в лифте, она открыла дверь, вошли и их поглотил домашний уют трехкомнатной квартиры. Николай был впервые у нее, но не почувствовал себя ущемленным, а наоборот, был весь во внимании хозяйки. Давно хранимая в его душе любовь к Татьяне все больше и больше рвалась на волю. Он много лет, таивший свою любовь не только от людей, но и от Татьяны, был бессилен удержать чувства, они как взбунтовавшийся ледоход… срывали плотину. Ушел утром со словами:

- Прости, если что не так.

- Иди, тебя ждут дома, - произнесла Татьяна. Иди.

Татьяна осталась вновь в своем одиночестве. Они вновь порознь, вновь разлучены своими обязанностями и долгом перед другими. Татьяна все это осознавала, но она сегодня была счастлива впервые за последние годы. И пусть они не были близки, и пусть они даже не целовались, и пусть они спали поверх одеяла одетыми, в ее памяти звучали впервые сказанные им слова:

- Любимая, как я долго шел к тебе. Спасибо, что ты есть…

Ее воспоминания о прошедшей ночи разрушил телефонный звонок.

- Татьяна, здравствуй! С праздником! Как дела? - услышала голос Розы.

- Здравствуй. И тебя с праздником. Дела? Вроде бы нормально.

- А мой только что пришел домой.

Татьяна не знала, что сказать в ответ и промолчала.

- Но пришел трезвый. Значит, был у порядочной женщины.

Роза продолжала что-то еще говорить по телефону, но Татьяна после слова «порядочной» не слышала ее. В глазах заблестели слезы счастья, она вспомнила слова Николая, сказанные перед уходом:

- Любимая, я приду. Ты жди меня… обязательно приду. Я устал, жить в унижении…хочу быть только с тобой.

5.

Крестная дочь Татьяны Дмитриевны Наталия Степановна в который раз возвращалась к тронувшим ее душу строкам лежавшего на столе письма:

-Я знаю,- писала ее крестная, Татьяна Дмитриевна, - как нестерпимо больно остаться без любимого четвероногого друга, постарайся занять себя делами. В критические моменты жизни все должно идти своим чередом. Наташенька,- я плакала по поводу смерти любимого попугайчика Шурочки. Мы вместе с ней прожили около десяти лет. Ели из одной тарелки, спали в кровати я под одеялом, она на мне. Да, у нее был свой дом, но только для того, чтобы там покушать. Когда она подросла, стала нести яйца. Тогда я решила ее познакомить с попугайчиком Прошкой. Шурочку оставила с ним у него дома. Полгода они были вместе, но кроме дружбы ничего не получилось. Мне пришлось забрать ее домой. Иногда мне казалось, что у нее душа человека, я даже плакать, не смела в ее присутствии. Она налетала на меня, склевывала слезы и улетала от меня только тогда, когда мне становилось легче. Чуть позже я купила ей друга Кешу. Наташа, сколько разных интересных моментов было у нас с моими попугайчиками. Однажды ко мне пришли гости. Шурочка ходила по столу, пробовала еду из всех тарелок, была спокойна и вела себя вальяжно. Кто-то из гостей спросил у нее:

- Водки хочешь?

Она стремительно сорвалась со стола и так рванулась в клетку к Кеше…, а когда попала к нему, то произнесла: «Пейте сами! Шурочка и Кеша подружились сразу. Оба были волнистыми. Их окрас был гармоничен: у нее на животике перышки цвета ультрамарин, а у Кеши основной окрас нежно-фиолетовый. Шурочка веселая, шустрая, обаятельная. А смелости ее может позавидовать любая женщина. Никто не смел, кроме меня, потянуться рукой к ее дому с Кешей. Кеша, наоборот, трусливый, услужливый, постоянно угождал своей подружке. Друг кормил Шурочку зернышками (отрыгивая из своего желудочка). Она благодарно принимала такую заботу. Он постоянно пел для нее песни, ухаживал за ней, пытаясь сблизиться, негодовал на ее холодность. Она отпугивала его и уходила от близости. А он вертелся перед зеркалом, издавал хвалебные звуки. Недоумевал: он красивый, а Шурочке не нравится. Долгие годы они были вместе, но Шурочка была Кеше только подружка не более. Она по-прежнему проводила все свободное время со мной. Летала за мной по квартире, целовала меня, выражала нежное внимание. Позволяла себя брать в руки, ласкать и целовать.

Наташенька, терять любимого друга больно и страшно. Шурочка всегда была со мною рядом, мне кажется, понимала, как мне одиноко. Все мои секреты знала и сочувствовала мне. В особо тяжелую минуту в моей жизни не отходила от меня, произнося звуки, похожие на «хрр, хрр». Они были то нежными, то одобрительными, то настойчиво утвердительными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.